

УДК 34**Перспективы развития компенсации репутационного вреда как
способа защиты деловой репутации****Касимова Олеся Алексеевна**

Аспирант,
Московский финансово-промышленный университет «Синергия»,
129090, Российская Федерация, Москва, ул. Мещанская, 9/14;
e-mail: olesyatravvy2010@mail.ru

Аннотация

Право юридического лица на компенсацию морального вреда за нарушение его деловой репутации на протяжении многих лет оставалось предметом острых дискуссий среди участников юридического сообщества. Такие дискуссии возникли неслучайно. Дело в том, что в пункте 7 статьи 152 ГК РФ законодатель указал на допустимость применения положений о защите деловой репутации граждан при защите деловой репутации организаций. Между тем юридическое лицо не может испытывать физические и нравственные страдания, а потому не вправе претендовать на компенсацию морального вреда. В статье исследуются актуальные вопросы, возникающие при взыскании репутационного вреда юридическим лицам в связи с неоднозначностью в подходах к пониманию природы деловой репутации. Проведен анализ российского и зарубежного законодательства (Великобритании, Германии, Италии, Франции) по вопросам взыскания репутационного вреда, позиции Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, высших судов иностранных государств, анализируется доктрина. Авторы делают вывод о необходимости внесения изменений в гражданское законодательство для разрешения существующих противоречий.

Для цитирования в научных исследованиях

Касимова О.А. Перспективы развития компенсации репутационного вреда как способа защиты деловой репутации // Вопросы российского и международного права. 2024. Том 14. № 4А. С. 403-410.

Ключевые слова

Репутационный вред, деловая репутация, зарубежный опыт, нематериальные блага, неотчуждаемость, непередаваемость.

Введение

В сфере юридической защиты активов корпораций концепция ущерба, оказавшегося вне сферы материальных потерь, занимает заметное место. Ущерб этот, едва ли заметный на первый взгляд, несет в себе риск значительного снижения престижа организации. В определении Е.В. Гаврилова он характеризуется отсутствием связи с непосредственными финансовыми потерями и проявляется в сокращении деловой оценки юридического лица. Это опасение становится всё более весомым, особенно когда в игру вступает передача авторских прав в рамках договоров о коммерческой концессии, что может повлечь за собой потерю доверия и, как следствие, бизнес-репутации [Гаврилов, 2018, 14].

Таковой вывод о репутационном ущербе, который губительно сказывается на деятельности предприятий, стал неотъемлемой частью гражданско-правовой теории в кратчайшие сроки после введения в действие части первой ГК РФ. Арбитражные суды, проанализировавшие данную теорию, одобрили это понятие в своих правоприменительных практиках, придавая ему не меньшее значение. Сложность восстановления однажды пострадавшей репутации нередко ставит ущерб данного рода на одну ступень с наиболее тяжкими последствиями для юридического лица, иногда делая процесс восстановления практически невозможным

Основная часть

Прошрое десятилетие стало свидетелем значительных колебаний в понимании прав юридических лиц на возмещение имущественного ущерба нематериальной природы. Изначально вопрос взыскания такого вида убытков был окутан неопределенностью, тем не менее, перспектива компенсации репутационного урона стала реальией в соответствии с Определением Конституционного Суда РФ, выпущенным 4 декабря 2003 года. Затем, посредством Федерального закона № 142-ФЗ от 02.07.2013 года, внесены были конкретизации, устанавливающие, что возмещение нематериального ущерба, а именно морального характера, ограничивается лишь в контексте частных лиц [Определение Конституционного Суда РФ от 04.12.2003 № 440-О, [www](#)]. Несмотря на это, Верховный Суд РФ в 2016 году предоставил разъяснения, подтверждающие, что корпоративные структуры обладают законными основаниями для получения компенсации за утрату деловой репутации при условии подачи достоверных доказательств о сформированной репутации и негативного воздействия некорректных публикаций.

Актуальной задачей разрешения конфликтов в сфере частноправовых бизнес-взаимоотношений выступает охрана репутации корпоративного участника. В связи с этим подверженность повреждению имиджа организации обусловлена её участием в экономическом обороте с использованием договорных механизмов. Проблематика возникает из-за недостаточно выверенного законодательства по вопросам регламентации компенсации репутационного ущерба, порождая споры. Рассмотрение и устранение подобного ущерба, не имеющего материального характера, относится к компетенции судебных органов, которым предстоит устанавливать факт и масштабы репутационных потерь.

Изучение требований практики показывает, что для успешного обращения в суд недостаточно только лишь указания на негативные последствия, истец должен предоставить неопровержимые аргументы о нарушении деловой репутации организации противоправными действиями ответчика. В данном контексте Верховный Суд РФ инициировал рассмотрение

инновационной методики, целью которой является оптимизация и стандартизация юридической практики по защите корпоративного престижа. Взгляды законодателя и высших судебных эшелонов хоть и нацелены на самую суть проблемы, но разногласия между ними поднимают вопросы на понимание нюансов применения данных методик и обеспечение правовой защиты [Карайчева, 2014, 6].

Изучение вопроса, связанного с репутационным ущербом и его возмещением юридическими лицами, издавна считается актуальным. Аналитический обзор литературных работ отечественных исследователей позволяет выявить разногласия в понятии «деловой репутации». Исследователи, размышляя о сути деловой репутации, по-разному трактуют её сущность, отмечая, что она может представлять собой как отображение деловых качеств компании в общественном мнении, так и профессиональную оценку, а также служебный статус. Приближаясь к выводу, можно утверждать, что более точным кажется восприятие её в качестве одной из разновидностей нематериальных активов. Следуя этой точке зрения, возникает логичный интерес к сущности нематериальных благ [Быкова, 2020, 83].

Решение вопроса компенсации утраты репутации требует многоаспектного подхода. Обращение к юридической доктрине, правоприменительной практике, иностранному опыту могут послужить основой для предложения нового, альтернативного взгляда на процедуру возмещения репутационных потерь, а также оценку бизнес-престижа компаний.

Нематериальные ценности носят исключительно неимущественный характер, что утверждают исследования дореволюционных российских мыслителей. Они указывают на невозможность определения этих благ в денежном измерении из-за их внеэкономической природы. Таковые активы, по своей сути, непреодолимо связаны с субъективной личностью, и, таким образом, невозможно отразить в материальном измерении, несмотря на то, что окружающая среда может быть исключением из этого правила [Потапенко, Кузнецов, 2015, 8].

Отмечается, что эти блага выходят за пределы материального воплощения и, следовательно, противопоставляются концепции эквивалентности в виде денег. Значительно важными свойствами таких благ являются не отчуждаемость и непередаваемость, что подчеркивает их интимную связь с индивидуумом. Интересно, что непередаваемость этих благ не имеет своего начала в юридических ограничениях, а происходит из объективной реальности невозможности их передачи. В итоге можно сказать, что это сфера ценностей оставляет свой след в идеальном, а не физическом пространстве.

Закон признает деловую репутацию гражданина нематериальным активом. В контексте юридических лиц принципы, закрепленные в статье 152 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ), непосредственно действуют, за исключением тех, которые касаются компенсации за моральный вред. В нормах, определенных статьей 150 ГК РФ, заложен тезис о неотчуждаемости деловой репутации, который также распространяется на юридические лица, несмотря на их уникальные особенности. Тем не менее, Гражданский кодекс Российской Федерации содержит нормы, подразумевающие потенциальную передачу репутации (согласно абзацу 3 пункта 2 статьи 150, пункта 2 статьи 1027 и пункта 1 статьи 1042 ГК РФ); однако реальная передача этого права другому субъекту не осуществляется, в то время как передача прав, связанных с репутацией, возможна [Шиткина, 2019, 13].

Существует определенный диссонанс, связанный с отсутствием экономической субстанции у деловой репутации, которая в то же время подлежит оценке в денежном выражении, что противоречит характеристикам нематериальных активов.

К тому же российская судебная практика, вопреки установленной Верховным Судом РФ

легитимности возмещения вреда репутации юридических лиц, все еще испытывает нестабильность в подходах к решению подобных споров.

Отмечено, что распространение ложных или дискредитирующих данных может выступать основой для компенсации вреда, пятнающего репутацию корпораций, что отражено в правоприменении Верховным Судом РФ. Это согласуется с положениями статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации, которая акцентирует внимание на необходимости соответствия информации реальным данным. Кроме того, уточняется, что компенсация морального урона юридическому лицу не всегда равносильна возмещению финансовых потерь. Различие в защитных методах обусловлено тем, что возмещение финансовых потерь целесообразно при их фактическом выявлении, тогда как компенсация немущественного ущерба может осуществляться без учета материальных убытков и затрагивать негативные последствия, включая те, которые не имеют материального выражения [Гусалова, 2017, 19].

Существует определенная неясность относительно возможности предъявления требований о возмещении убытков и компенсации морального вреда одновременно в рамках одного спора, что вытекает из диспозиции статьи 15 Гражданского кодекса РФ. В ситуациях, где вред репутации представляет из себя лишь финансовые потери и не влечёт за собой немущественного ущерба, аппликация обоих защитных мер в пределах одного спора не кажется приемлемой, поскольку обе меры направлены на возмещение материального вреда. В таком контексте отсутствует явное разграничение между этими защитными механизмами [Смольский, 2016, 44].

В области юриспруденции, исследуя нормы возмещения репутационных потерь, обнаруживается, что понятия подобные «деловой репутации» для корпораций в европейском законодательстве отсутствуют. Взамен этого используются различные терминологии: в Англии – понимание благополучия компании зачастую выражается термином «goodwill», тогда как во Франции схожий аспект, означающий привлекательность для клиентов, обозначается как «achalandage», уделяя внимание месту бизнеса на рынке. Нематериальные активы в представленных государствах занимают ключевую позицию, так как оказывают доминирующее воздействие на оценку материальной ценности компании и представляют собой критический аспект в противостоянии действиям, нарушающим принципы лояльной конкуренции [Ерохина, 2015, 14].

Закон о диффамации 2013 года, наряду с Законом о конкуренции 1988 года и Законом об ограничениях 1980 года, обеспечивает в Великобритании правовую основу для охраны репутационных интересов предприятий, защищая их от необоснованных клеветнических утверждений и предотвращая искажение конкурентной деятельности путем злоупотребления господствующим статусом на рынке. В эпоху начального этапа XVI века, когда интересы защиты репутации начинали получать всеобщее признание, дела о клевете, которые какое-то время не вызывали озабоченности из-за их участвовавшего количества, оказались в центре внимания церковной юриспруденции. Прецедент тех времен заключался в том, что для установления факта репутационного ущерба, зачастую достаточно было лишь подтверждения прозвучавших клеветнических слов, без необходимости иллюстрации реального убытка, что существенно облегчало задачу жалобщика. Присяжные, в свою очередь, обладали свободой в оценке объема причиненных повреждений, исходя из собственного усмотрения.

В нормативных рамках Германии известен закон под наименованием Gesetz gegen den unlauteren Wettbewerb (UWG), изданный в 2004 году и направленный на охрану рыночной

системы от конкурентных злоупотреблений. Это законодательство уполномочивает компании требовать прекращения противозаконных мероприятий прежде, чем эти шаги будут осуществлены, при условии доказательства наличия вероятности таковых. Помимо этого, правовая система самой Германии налагает ответственность на распространителя за возмещение вреда, если из его действий можно вывести вину; при это компании вправе подавать иск без приведения конкретной величины убытков, если их невозможно точно квалифицировать.

Концепция компенсации убытков, связанных с репутацией, в судопроизводстве обусловлена только в контексте существенного урона финансовому состоянию корпораций. Вопрос оценки значимости порчи образа рассматривается через призму различных параметров: масштабность диссеминации информации, частота ее повторения и скорость приведения опровержений. Это тяжба ставит перед правосудием замысловатые задачи, ведь то, что первоначально задумывалось как пространство для резонных предположений суда присяжных, трансформировалось в сеть юридических нюансированных вопросов, связанных с оценкой потенциального ущерба. Ситуация эта порождает дилемму для магистратов: нужно уравновесить предоставление суду присяжных возможности оценить размер убытка без добавления путаницы в вопросы юриспруденции [Тулупова, 2019, 57].

С опорой на немецкий юридический эксперимент в деле определения тяжести причиненного урона, правовая система России могла бы извлечь важные положения для повышения эффективности своего правоохранительного аппарата.

В области защиты чести и деловой репутации Германское гражданское уложение в своём параграфе 823 устанавливает основания для акций по урегулированию нарушений, связанных с дискредитацией. Применение данного параграфа, согласно Конституции ФРГ, одинаково распространяется как на индивидуальные лица, так и на корпоративные субъекты. В контексте немецкого права, когда неприкосновенность деловой репутации подвергается атаке, то есть когда вес неимущественной утраты преобладает над свободой слова, подразумевается установление приоритетности защитных мер.

Определяющим фактором для активации мер от диффамации является верификация распространения ложных и клеветнических сведений. При удовлетворении этого критерия наказуемым действием считается дальнейшее распространение информации, подвергающей сомнению репутацию, и, возможно, налагается административное взыскание. Требование об исправлении причинённого урона и компенсации связанных убытков обязано соответствовать строгим условиям и удовлетворяться лишь в случае, когда содержание клеветнического заявления превышает порог терпимости потерпевшего.

В контексте рассмотрения похожих дел в российской юриспруденции критерий неприемлемости клеветнических данных для потерпевшего подлежит рассмотрению при принятии судебных постановлений, обеспечивающих адекватность.

Исследуя законодательную базу и судебную практику по обеспечению неприкосновенности коммерческого престижа в странах Европы, обнаруживается значительное внимание к иску о возмещении репутационного урона. В орбите внимания российского права особенно акцентируется урегулирование подобных споров в Италии, где включено в статью 2059 Гражданского кодекса право на восстановление ущерба неимущественного характера, под которым понимается репутационный ущерб [Пристанская, 2019, 32].

Этому вопросу немецкое правоприменение предусматривает доктрину, согласно которой компаниям разрешено требовать компенсацию имущественных потерь, связанных со вредом их

бизнес-репутации, в то время как во Франции ситуация усложняется отсутствием возможности покрытия репутационного урона организациям посредством уголовного кодекса.

Верховный Суд Италии проясняет в своем вердикте от 3 марта 2000 года, дело № 2367, что все виды урона, за которые невозможно установить денежный эквивалент, считаются неимущественным уроном. Отмечено также, что моральный ущерб, проявляющийся в «боли и нравственных страданиях», не подлежит компенсации для юридических лиц, так как данные страдания не присущи организациям; однако, бывают исключения, когда итальянские судебные инстанции признают моральный и неимущественный урон тождественными и постановляют в пользу юридических лиц исправить моральный ущерб.

Заключение

Обсуждается амбивалентность итальянского подхода в контексте правовой практики, это не может не вызывать ассоциации с российской юриспруденцией. Анализ показывает, что значимым отличием является более широкий диапазон лиц, имеющих право на компенсацию за моральные убытки. По нашим наблюдениям, опыт итальянских судов может стать основой для совершенствования российской системы возмещения ущерба, влияющего на репутацию. Итак, разъясняя существующее законодательство, Верховный Суд РФ обладает возможностью адаптировать практику компенсации нематериального ущерба, опираясь на пример итальянцев.

Исследуя репутационный ущерб, мы выявляем, что в Российской Федерации эта сфера находится в развитии. Возможная интеграция итальянских механизмов компенсации нематериального урона для корпораций данное развитие будет способствовать. Для достижения подобного успеха необходимо изучить глубинные особенности деловой репутации, такие как экономическая ценность, переход по наследству, которые сейчас представляют собой коллизии между общепринятым понятием нематериального блага и деловой репутацией в противоречии с пунктом 1 статьи 150 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Отметим, что введение нового пункта 1.1 в статью 150 ГК РФ может стать решением противоречия, определяя, что защита деловой репутации подразумевает возможность имущественной оценки и передачи прав на нематериальные блага в соответствии с нормами Кодекса. Это преобразование способно унифицировать подходы к регулированию и компенсации репутационных нарушений, повышая ясность их правового статуса и критериев возврата утраченной репутации юридическим лицам.

Библиография

1. Гаврилов Е.В. Защита деловой репутации в арбитражном процессе // *Хозяйство и право*. 2018. № 8. С. 14-23.
2. По жалобе гражданки Аликиной Татьяны Николаевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 статьи 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 04.12.2003 № 440-О // *Официальный интернет-портал правовой информации*. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 26.06.2024).
3. Карайчева О.В. Деловая репутация как объект гражданских прав // *Юрист*. 2014. № 3. С. 6-10.
4. Быкова М.О. Правовое регулирование защиты деловой репутации юридических лиц в России // *Право и экономика*. 2020. № 4. С. 83-88.
5. Потапенко С.В., Кузнецов С.А. Судебная защита деловой репутации: теория и практика // *Юрист*. 2015. № 9. С. 8-14.
6. Шиткина И.С. Защита деловой репутации юридических лиц: вопросы теории и практики // *Хозяйство и право*. 2019. № 5. С. 13-25.
7. Гусалова А.Р. Опровержение сведений, порочащих деловую репутацию юридического лица // *Юрист*. 2017. № 12. С. 19-23.

8. Смольский А.П. Оценочные суждения и фактические утверждения как предмет судебной защиты деловой репутации // Арбитражный и гражданский процесс. 2016. № 5. С. 44-48.
9. Ерохина Ю.В. Компенсация морального вреда и защита деловой репутации юридических лиц // Российская юстиция. 2015. № 4. С. 14-17.
10. Тулупова Е.В. Проблемы защиты деловой репутации в сети Интернет // Информационное право. 2019. № 2. С. 57-60.
11. Пристанская Н.М. Доктрина добросовестности и разумности в делах о диффамации в США и Великобритании // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 2. С. 32-39.

Prospects for the development of compensation for reputational damage as a way to protect business reputation

Olesya A. Kasimova

Postgraduate Student,
Moscow Financial and Industrial University "Synergy",
129090, 9/14 Meshchanskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: olesyatrav2010@mail.ru

Abstract

The right of a legal entity to compensation for moral damages for violation of its business reputation has remained a subject of heated debate among members of the legal community for many years. Such discussions did not arise by chance. The fact is that in paragraph 7 of Article 152 of the Civil Code of the Russian Federation, the legislator indicated the admissibility of applying provisions on the protection of the business reputation of citizens when protecting the business reputation of organizations. Meanwhile, a legal entity cannot experience physical and moral suffering, and therefore has no right to claim compensation for moral damage. The article examines current issues that arise in the recovery of reputational damage to legal entities due to the ambiguity in approaches to understanding the nature of business reputation. An analysis of Russian and foreign legislation (Great Britain, Germany, Italy, France) on the issues of recovery of reputational damage, the position of the Constitutional Court of the Russian Federation, the Supreme Court of the Russian Federation, the highest courts of foreign states is carried out, the doctrine is analyzed. The authors conclude that it is necessary to make changes to civil legislation to resolve existing contradictions.

For citation

Kasimova O.A. (2024) Perspektivy razvitiya kompensatsii reputatsionnogo vreda kak sposoba zashchity delovoi reputatsii [Prospects for the development of compensation for reputational damage as a way to protect business reputation]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 14 (4A), pp. 403-410.

Keywords

Reputational harm, business reputation, foreign experience, intangible benefits, inalienable, non-transferable.

References

1. Bykova M.O. (2020) Pravovoe regulirovanie zashchity delovoi reputatsii yuridicheskikh lits v Rossii [Legal regulation of the protection of business reputation of legal entities in Russia]. *Pravo i ekonomika* [Law and Economics], 4, pp. 83-88.
2. Erokhina Yu.V. (2015) Kompensatsiya moral'nogo vreda i zashchita delovoi reputatsii yuridicheskikh lits [Compensation for moral damage and protection of business reputation of legal entities]. *Rossiiskaya yustitsiya* [Russian Justice], 4, pp. 14-17.
3. Gavrilov E.V. (2018) Zashchita delovoi reputatsii v arbitrazhnom protsesse [Protection of business reputation in arbitration proceedings]. *Khozyaistvo i parvo* [Economy and Law], 8, pp. 14-23.
4. Gusalova A.R. (2017) Oproverzhenie svedenii, porochashchikh delovuyu reputatsiyu yuridicheskogo litsa [Refutation of information discrediting the business reputation of a legal entity]. *Yurist* [Lawyer], 12, pp. 19-23.
5. Karaicheva O.V. (2014) Delovaya reputatsiya kak ob"ekt grazhdanskikh prav [Business reputation as an object of civil rights]. *Yurist* [Lawyer], 3, pp. 6-10.
6. Po zhalobe grazhdanki Alikinoi Tat'yany Nikolaevny na narushenie ee konstitutsionnykh prav punktom 1 stat'i 1070 Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii: opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 04.12.2003 № 440-O [On the complaint of citizen Tatyana Nikolaevna Alikina about the violation of her constitutional rights by paragraph 1 of Article 1070 of the Civil Code of the Russian Federation: Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 4, 2003 No. 440-O]. *Ofitsial'nyi internet-portal pravovoi informatsii* [Official Internet portal of legal information]. Available at: www.pravo.gov.ru [Accessed 26/06/2024].
7. Potapenko S.V., Kuznetsov S.A. (2015) Sudebnaya zashchita delovoi reputatsii: teoriya i praktika [Judicial protection of business reputation: theory and practice]. *Yurist* [Lawyer], 9, pp. 8-14.
8. Pristanskaya N.M. (2019) Doktrina dobrosovestnosti i razumnosti v delakh o diffamatsii v SShA i Velikobritanii [The doctrine of good faith and reasonableness in defamation cases in the USA and Great Britain]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava* [Current problems of Russian law], 2, pp. 32-39.
9. Shitkina I.S. (2019) Zashchita delovoi reputatsii yuridicheskikh lits: voprosy teorii i praktiki [Protection of business reputation of legal entities: issues of theory and practice]. *Khozyaistvo i parvo* [Economy and Law], 5, pp. 13-25.
10. Smol'skii A.P. (2016) Otsenochnye suzhdeniya i fakticheskie utverzhdeniya kak predmet sudebnoi zashchity delovoi reputatsii [Value judgments and factual statements as the subject of judicial protection of business reputation]. *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess* [Arbitration and civil process], 5, pp. 44-48.
11. Tulupova E.V. (2019) Problemy zashchity delovoi reputatsii v seti Internet [Problems of protecting business reputation on the Internet]. *Informatsionnoe parvo* [Information law], 2, pp. 57-60.